

УДК 821.161.1 (1-87) – 1

АФРИКА НА ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТЕ А. ЛАДИНСКОГО

Анна Альбертовна Арустамова

д.филол.н., профессор кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. aarustamova@gmail.com

Мария Юрьевна Расторгуева

магистрант

Высшая школа экономики

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20. mariia.rastorgueva@ya.ru

В статье рассматриваются способы создания геокультурного образа в творчестве поэта русского зарубежья А. Ладинского. Показывается, что структурообразующими являются приемы антитезы и оксюморона; поэт использует комплекс мотивов, ведущими среди которых оказываются мотивы зноя и холода. Существенное место в создании образа Африки занимает интертекстуальность. Библийские аллюзии, реминисценции из арабских сказок обеспечивают многоуровневость рассматриваемого образа. Творчество Ладинского-поэта характеризуется также интересом к поэтике кинематографа.

Ключевые слова: литература русского зарубежья; Ладинский; геокультурный образ; Африка; русская поэзия; интертекстуальность; антитеза; оксюморон.

Интерес к Африке имеет давнюю традицию в русской литературе. Так, Вяч. Вс. Иванов считает, что африканская тема «была завещана русским писателям далеким прошлым православия» [Иванов 2000: 287]. Э. Уде подтверждает эту мысль обращением к «Повести временных лет», где встречается первое упоминание об Африке. «Ко времени создания “Повести” славяне уже знали о существовании этого континента, о некоторых странах, расположенных на нем» [Уде 2008: 65]. Однако всплеск такого интереса приходится на конец XIX–начало XX в. С одной стороны, ему способствовали события на африканском континенте: англо-бурская война, вызвавшая значительный отклик в России [см.: Уде 2007]. С другой стороны, наступившая эпоха модерна актуализировала интерес к экзотическим странам, путешествиям, расширению границ познания мира человеком. А.С. Полиевская указывает на появление значительного числа произведений, в которых представлен экзотический топос, в том числе и африканский [см.: Полиевская 2006]. Исследователь Л.Г. Панова констатирует, что «за три десятилетия, с 1890-х по 1920-е гг.,

русскими поэтами было написано более двухсот стихотворений и поэм на египетские темы» [Панова 2006]. При этом крупнейший вклад в распространение африканской темы в русской литературе и культуре того времени внес Н. Гумилев.

А. Ладинский, русский поэт-эмигрант первой волны, начинает писать об Африке в 1930-е гг. Интерес к черному континенту обусловлен обстоятельствами его судьбы. Прежде чем попасть во Францию и поселиться в Париже, Ладинский четыре года прожил в Каире. Поэт «в качестве корреспондента газеты ездил в Тунис, Египет, писал путевые очерки, публикуя их в газете, а то и выпуская отдельным изданием» [Коростелев 2008: 9]. Впечатления от пребывания в Африке нашли воплощение не только в прозе Ладинского, но и в его «африканских» стихах.

Следует подчеркнуть, что геокультурные образы в целом структурируют поэтическую карту Ладинского. На эту карту нанесены Европа и Африка, Америка и Азия, Север и Юг. Человек в мире Ладинского – носитель номадического сознания (см. об этом подробнее: [Осипова 2014]), а мир, который создает поэт, подвижен и неста-

билен. В нем доминирует движение – пространственное и временное. Герой Ладинского всегда в пути, а художественный мир поэта охватывает не только разные страны и континенты, но и эпохи – от древних времен до трагического XX в. Эти особенности поэтического видения Ладинского обеспечивают богатство интертекстуальных связей, культурных ассоциаций и аллюзий, сложную, многослойную структуру его геокультурных образов, в том числе и образа Африки¹. В поэзии Ладинского Африка выступает в разных ипостасях: черной, арабской и библейской.

Комментируя страсть Гумилева к путешествиям в Африку, Э. Уде пишет, что цель пребывания поэта в Африке – «поиск новых слов, новых образов через новые испытания <...> Отчуждение от "нормального" европейского быта увело поэта на эту загадочную, малоизведанную европейским человеком землю. Здесь страсти кипели по-настоящему, и здесь поэт нашел то, что искал: ощущение полноты жизни, наслаждение опасностью, первобытную сочность красок и чистоту звуков» [Уде 2007: 38]. Это утверждение в целом справедливо и по отношению к Ладинскому, впитавшему атмосферу русской поэзии начала XX в., и в частности, лирики Гумилева.

Доминантой в создании образа *черной Африки* является пейзаж, построенный на узнаваемых образах: знаками африканского становятся пальмы, пустыня, караван, жара, жажда, эфир и мираж. Черная Африка в творчестве Ладинского является прежде всего географическим, а не культурным пространством. При этом поэту не свойственна подробная прорисовка пейзажных деталей. Вводя образы-знаки «караван» или «мираж», поэт опирается на ряд общекультурных ассоциаций, связанных с представлением об Африке. Однако из ряда типичных «африканских» элементов выбивается характеристика температуры воздуха. В стихотворениях поэта появляется мотив стужи, контрастирующий с мотивом знойной жары.

В. Набоков, отзываясь о первой книге стихов Ладинского, выявил ряд характерных для его поэзии образов. Большинство из них формируют и геокультурный образ Африки. «На протяжении сорока стихотворений, – пишет В. Набоков, – входящих в эту книгу, "пальма" и "эфир" встречаются по семи, "ледяной" и "прекрасный" по пятнадцати <...> раз. Слова эти не случайны, они находятся между собой в некой гармонии. <...> Ладинский воспринимает творчество, вдохновение как волшебный мороз, на котором сначала дышится очень трудно, а затем – так сладко, что отказываться от него невозможно. Это – эфирная стужа Сахар и горный разреженный воздух, –

высота, куда поэтам неопытным, с земными легкими, столь же трудно взобраться, как на вышку – "задышающимся толстякам" <...>. Таков основной фон стихов Ладинского. Замечательно, что, будучи связаны единой гармонией, все сорок – разные, в каждом из них содержится свой собственный волнующий рассказ» [Набоков 1931: 2].

Элементом черной Африки в стихотворении «Караван» (1930) является образ Сахары. Образ пустыни строится на основе оксюморона, объединяющего состояние жара и холода: «раскаленной стуже / Эфирных ледяных Сахар» [Ладинский 2008: 48]. Более того, образ Сахары принимает универсальный характер, каждая из многочисленных африканских пустынь и является Сахарой. Описание африканского холода занимает значительное место в поэзии А. Ладинского. «Этот звук, "хрустальный звон зимы", – по наблюдениям К. Мочульского, – проходит через все стихи» А. Ладинского [Мочульский 1931: 23 6]. Холод становится экзотическим элементом, присущим Африке именно Ладинского.

В стихотворении контаминируются мотивы дороги земной и дороги небесной. Путь каравана по африканской пустыне оборачивается движением ввысь: земной караван превращается в караван небесный. Это движение символизирует путешествие души вверх, от земли в небеса, которое можно назвать центральным сюжетом лирики поэта. «С трудом в эфир идут верблюды, Но, преодолевая страх, Покачиваемся мы чудом На голубых горбах» [Ладинский 2008: 48].

Отрыв души от земли, преодоление пространства, стремление ввысь приобретает неоромантическую окраску в поэзии Ладинского, отсылая в то же время к классическим текстам русской литературы: в строках «мы странствуем, мы кружим, кружим, Плыдем в магнитный жар» узнаются знаменитые строки Тютчева: «и мы плывем, пылающею бездной Со всех сторон окружены». Тем самым Ладинский расширяет понятие лирического «я» до всеобщего «мы», претендуя на более высокий уровень лирической рефлексии над смыслом пути современного ему человека.

Одним из важнейших элементов африканских стихотворений Ладинского является мотив африканской страсти. А.Б. Давидсон отмечает, что «в конце XIX – начале XX в. с предрассудками соседствовала романтизация Африки. В обыденном сознании европейцев Африка долго оставалась таинственной и загадочной: фантастическая природа, непроходимые дебри, невиданные звери, необозримые алмазные россыпи, неисчерпа-

емые богатства золота. Восхищение вызывали прежде всего природа и животный мир. Но все же была и идеализация африканцев и их жизни, по сравнению с которой "вся эта Европа, суетливая, жалкая в гоньбе за наживой, жадная и подлая в хищничестве и завоевании, лицемерная в рабстве и насилии, – сон и только сон"» [Давидсон 2000].

В творчестве Ладинского варьируется семантика этого мотива. Так, в стихотворении «Поэту», посвященном трагической судьбе русской лиры, он указывает на трагическую судьбу поэта. Стихотворение наполнено аллюзиями на жизнь и творчество Пушкина. В центре поэтической рефлексии автора оказывается сюжет смертельной дуэли Пушкина: «Судьба российской лиры зла: / Летит свинцовая пчела / Из пушкетного ствола. / Ей сердце обрекает рок, / Оборвано течение строк <...>» [Ладинский 2008: 51].

Примечательно, что рассмотренное выше противопоставление зноя и холода, трансформирующееся в оксюморон, отсылает к противопоставлению Севера и Юга в творчестве самого Пушкина (например, в «Дон Гуане»): «Но все превратно под луной – Красавиц мрамор ледяной И африканской страсти зной» [там же: 52]. Кроме того, строка «африканской страсти зной» содержит отсылку к биографии Пушкина. Противопоставление частей света продолжено в цикле «Стихи о Европе» (1932), в котором мотив африканской страсти является одним из циклообразующих. В этом цикле Африка и Европа окутаны шлейфом феминных ассоциаций. Поэт противопоставляет черное и белое; страстное, живое и мраморное, неподвижное, детское и угасающее – Африку и Европу.

В стихотворениях «Дансинг» (1929) и «Вижу потрясенный воздух» (1935) противопоставляется страстное, физическое, материальное – возвышенному и идеальному, но этот контраст носит оттенок театральности, игры: «В пекле негры вращают глазами» («Дансинг», 1929) [там же: 207] и «...Музыка, печальный ангел, К нам слетевший В африканский жаркий дансинг» («Вижу потрясенный воздух», 1935) [там же: 125]. В стихотворении «Роман» страстное чувство к лирической героине передано именно через мотив африканской страсти: «Ты – африканское объятие, Ты – пальма, Ты – высокий храм» [там же: 145]. Театральную, игровую природу образов Ладинского замечали еще современники поэта. Так, Г. Струве называл А. Ладинского «едва ли не единственным зарубежным поэтом», писавшим «в мажорном ключе, Ладинский не боится романтики – его мир стилизованный, немного бутафорский, театральные (он недаром любит

театральные и балетные образы)» [Струве 1956: 227].

Арабская Африка в творчестве Ладинского представлена в меньшей степени, нежели черная Африка. В художественном мире поэта происходит объединение африканского и восточного миров в единое пространство с помощью пейзажных деталей, включения в текст стихотворений аллюзий на арабские сказки и объединения типичных знаков африканского с типичными знаками восточного мира. Пространство географическое при этом трансформируется в пространство культуры.

Поэт сопоставляет топонимы-знаки «африканского» и топонимы, ассоциирующиеся у читателя с Востоком. Так, в поэзии Ладинского появляется Каир («Муза» (1926), «Каирский сапожник» (1930)); «Географическая поэма» (1938) содержит название Аравия; в «Каирском сапожнике» упомянуты аравийские пески. Стихотворение «Мы купим белую большую яхту...», наряду с африканским топонимом, включает и название Сирия.

Восток и Африка в поэтической географии Ладинского сближаются пейзажем. Описание природы Азии и африканского континента создается с помощью образов-знаков пальмы, каравана, пустыни и мотивов жары и жажды, эфира и миража. Так происходит в стихотворении «Где теперь эти тонкие смуглые руки» (1936), в котором в описании Дамаска узнается также и типичный африканский пейзаж: «жар пустыни», «караваны верблюдов», «шатры и кувшины» [Ладинский 2008: 134]. Стихотворение воссоздает и плотское, страстное начало: «тела счастливого зной». Мотив африканской страсти созвучен «страсти аравийских свиданий» [там же]. Пейзаж Сирии, созданный в стихотворении «Мы купим белую большую яхту», практически дублирует описание пустыни Сахары из стихотворения «Караван»: «А в Сирии, в пустыне, – солнце, зной. <...> Костер, палатка, каравана след» [там же: 139]. Мотив иллюзорности роднит стихотворение «Сон», в котором создан образ Аравии – Пальмиры, со стихотворением «Караван». Данные тексты организованы мотивами миража и сна, в них создается ощущение ирреального пространства: «приснилась Аравия», «качаются пальмы в бреду», «мы призрачных поим верблюдов» («Сон», 1929) [там же: 208]. Более того, в стихотворении «Сон», как и в «Караване», реализуется принцип оксюморонности: «Но вновь в голубые сугробы / Уходит ночной караван» [Ладинский 2008: 209]. Так Ладинский в своей поэтической географии стирает границы между Африкой и Азией.

Поэзия Ладинского характеризуется обилием реминисценций и аллюзий. Создавая образ арабской Африки, поэт обращается к восточным сказкам. В стихотворении «Каирский сапожник» (1930) появляются аллюзии на восточные сказки из книги «Тысяча и одна ночь». Поэт заимствует сюжетную ситуацию из «Рассказа о Маруф-башмачнике» и переосмысляет ее в стихотворении «Каирский сапожник». Сказка посвящена бедному башмачнику, жившему со сварливой женой. Ситуация, взятая из восточной сказки, переносится поэтом в африканский Каир: «В этом горестном мире – <...> / На базаре в Каире / Жил сапожник Али. / Он в убогой лачуге / Починял башмаки, / У суровой подруги – / Тяжкие кулаки» [там же: 63]. Ладинский совмещает типичные знаки африканского с типичными знаками восточной культуры.

В создании образа *библейской Африки* ключевую роль выполняют аллюзии на Священное Писание. С этой точки зрения необходимо рассмотреть цикл «Похищение Европы» (1932) и стихотворение «Бегство из Египта» (1933).

Цикл «Похищение Европы» (1932) соединяет аллюзии на Библию и греческую мифологию. Ф. Федоров полагает, что Ладинский обращается к библейским и древнегреческим мотивам, символам и сюжетам как к прототекстам, при этом «значительно корректирует прототекст». «"Европа, ты зябким и сырým / Летишь голубком..." И это констатация ущерба, болезни Европы. С другой же стороны, голубок летит неизвестно куда, во всяком случае, не туда, куда определено прототекстом» [Федоров 2013: 136].

Отсылку к Африке в интерпретации древнегреческого мифа о похищении Европы («Африка детского рая» [Ладинский 2008: 97]) также можно считать попыткой поэта переосмыслить прототекст. «Африка детского рая» [там же] – это и аллюзия на творчество Гумилева. Она связывает стихотворение Ладинского с «сакральной географией» Гумилева. Африка «изображена в сакральной географии Н.С. Гумилева как континент со "звериной душой", которому покровительствует "по-детски неопытный ангел"», – отмечает Е. Раскина. «"Детская" душа африканского континента связана в "африканских стихах" из сборника "Шатер" с темой "детства человека"», протекавшего в райском саду <...>» [Раскина 2009: 264]. Аллюзия на творчество Гумилева в стихотворении Ладинского актуализирует библейские мотивы происхождения человека. Включая в греческий прототекст библейские мотивы, поэт совмещает в одном тексте греческую мифологию и библейские предания.

Если аллюзия на библейский текст в стихо-

творении «Похищение Европы» проявляется через творчество Гумилева, то в «Стихах о Европе» она напрямую вводит в цикл библейский топос. Метафора «райская черная страна» обозначает Африку. Лирическое «мы» – это те, кто, находясь в Африке, плачут о «голубоглазой Европе»: «Но воздух рая недвижим – / В райской черной стране <...> / Мы плачем, как дети...» [Ладинский 2008: 128]. В стихотворении Африка представлена как прародина человечества, как Эдем.

В этом цикле поэт также обращается к сюжету бегства Святого Семейства в Египет. И. Сурат в работе «Три века русской поэзии» (2006) анализирует особенности воплощения этого сюжета Ф. Глинкой, В. Ходасевичем, Г. Ивановым, И. Бродским. В этот ряд вписывается и творчество Ладинского, в частности, его стихотворение «Бегство в Египет». Первый вариант текста был опубликован в газете «Последние новости» от 7 января 1933 г. Однако позже в сборнике «Стихи о Европе» (1937) появляется сокращенная на тринадцать строк версия данного стихотворения под названием «Европейская зима».

Сюжет бегства в Египет раскрывается в стихотворениях «Вечер» (1913) Ходасевича, «Наконец-то повеяла мне золотая свобода» (1920) Г. Иванова, «Бегство в Египет» (1915) Бунина и в одноименном стихотворении Ладинского. Неотъемлемой частью пространства в названных стихотворениях становится описание небесных светил, реализующих путеводную функцию. В тексте Ладинского, так же как в произведении Ходасевича, появляется образ звезды. И. Сурат считает, что появление образа звезды в «Вечере» мотивировано более ранним рождественским сюжетом, что справедливо и для стихотворения Ладинского. Звезда здесь сообщает о рождении Марией Иисуса. Мотив зарождения новой жизни поддерживается символом семени. Семя в Библии символизирует ребенка: «Все было томленьем / Неясным полно, / Предчувствием, тленьем. / Как в почве зерно» [Ладинский 2008: 309]. Семя у Ладинского становится полифункциональным символом, обозначающим и плоды поэтического творчества: «Навстречу размеру / Летели стихи» [там же].

Особого внимания заслуживает пейзаж в стихотворении Ладинского. Так, пейзаж Ходасевича, лаконичный и скупой, контрастирует с пейзажем Г. Иванова, поскольку картина природы у последнего наполнена яркими красками и благоухающими запахами; Бунин воссоздает образ русской природы. Ладинский же наделяет римское пространство мотивом пронзительного холода, являющегося метафорой страха и печали. Они проникают в жизнь членов Святого Семей-

ства, заставляя покинуть свой дом: «сияла зима», «жесткий мороз», «обрушился снег», «снегопад» и пр. [Ладинский 2008: 309–310]. Более того, ощущение вселенского холода жизни усиливается трагическим мироощущением поэта-эмигранта, автора стихотворения.

Интерпретация поэтами образа Богоматери также различна. У В. Ходасевича Мария, по мнению И. Сурат, «всего лишь "еврейская бедная", и нет ей дела до смысла происходящего» [Сурат 2006], а младенец – просто дитя. И. Бунин интерпретирует Евангелие в народной традиции. Богородица – это своеобразная женская ипостась богатыря, защищающая своего младенца: «По лесам бежала Божья Мать, / Куньей шубкой запахнув младенца» [Бунин 1988: 129]. Образ Девы Марии в стихотворении Ладинского восходит, на наш взгляд, к образу Прекрасной Дамы Блока. Уже сама форма обращения: «В Египет? О, Дама!» [Ладинский 2008: 310] и написание обращения с заглавной буквы является аллюзией на творчество Блока. Мария, в отличие от Младенца, не покидавшего «далее небесных», снизошла с иконы на землю.

Подобную интерпретацию взаимодействия библейских персонажей отмечал Р. Якобсон в стихотворении А. Блока «Девушка пела в церковном хоре». Ученый писал, что ребенок в стихотворении тот самый Младенец с Богоматерью с иконы Тайной Вечери. Однако «дева с младенцем оказались разобщены и в стихах того же пятого года о Прекрасной Даме, и в сонме безвозвратно отплывших: "Она не придет никогда"» [Якобсон 1987: 259]. Аналогичную ситуацию воссоздает и Ладинский.

Вслед за Ходасевичем Ладинский включает в интерпретацию библейского сюжета и мифологические образы. Красный Марс – предчувствие Первой мировой войны – появляется в стихотворении «Вечер», а в «Бегстве в Египет» дегероизируется образ Аполлона: «О шерсти верблюжьей вздыхал Аполлон». Вольность интерпретации библейского текста также проявляется в использовании формы диалога библейских персонажей. В образный ряд стихотворения Ладинский добавляет элемент восточной и египетской мифологии – лотос: «А там и хрустальные / Египет... А там / И лотос печальный / Распустится вам...» [Ладинский 2008: 310]. Символ жизни лотос вместе с эпитетом «печальный» становится характеристикой трагического мироощущения поэта.

Сюжет бегства в Египет стал для В. Ходасевича и Г. Иванова «убежищем от тревоги» [Сурат 2006]. Ладинский же акцентировал внимание на трагедии Святого Семейства и рас-

крыл картину «мира печали» [Ладинский 2008: 310]. Младенец скрыто присутствует в тексте и появляется как действующее лицо только в последней строке: «снег падал, как друг, из чьих-то прелестных и маленьких рук...» [там же]. Ладинский единственный из поэтов привносит в данный сюжет лейтмотив холода, соотносимого с трагическим мировоззрением эмигранта. «Душа моя, ты – чужестранка» и «Жизнь печальна, как ад» («Ангель»).

В структурировании геокультурного образа Африки в творчестве Ладинского важнейшее место занимает использование антитезы и оксюморона. Поэт противопоставляет жаркое – холодному, реальное – ирреальному, «свое» – «чужому». Антитеза жаркого и холодного является основой построения образа Африки. Она структурирует такие стихотворения, как «Муза» (1926), «Каирский сапожник» (1930), «Караван» (1930) и «Географическая поэма» (1938). В большинстве поэтических текстов компоненты антитезы характеризуют разные географические пространства, например, Африку и родину («Муза», «Географическая поэма»). В стихотворение «Караван» антитеза только намечена, центром внимания поэта становится холод «горестного мира». В поэтическом тексте «Каравана» холод и жара соединяются в оксюмороне.

Лирический герой стихотворения «Муза» (1926) вспоминает о прошлом, проведенном в Африке. Африка становится поводом для спора музы с поэтом. Лирический герой вспоминает: «А помнишь – нежных рук загар? / Как по Каиру мы блуждали?» [Ладинский 2008: 26]. Для него это приятные и теплые воспоминания: образ рук дается с эпитетом «нежные» [там же], создается образ теплого «дворика», образ воркующих горлинок («ворковали две пары горлинок» [там же]) означает услаждение слуха, воркованием также называют разговор влюбленных. Но муза желает холода. В. Набоков писал, что «музе Ладинского в пыльном Каире хочется "снежку" – и он везет ее на север» [Набоков 1931: 2]: «– Хочу зимы... Хочу, чтобы снежок... – / Любимице я отказать не мог» [Ладинский 2008: 26]. Поэтическая лира Ладинского – это прежде всего «северная лира». Подобно тому как Север противопоставлен Югу в его поэзии, Европа – Африке, угасание цивилизации – колыбели человечества, так и муза поэта-эмигранта бесприютна и зябнет в пространстве временного пристанища, стремясь вверх, в сферу духа, чтобы покинуть бесприютную землю.

Антитеза жаркого и холодного в поэзии А. Ладинского является составным элементом более сложного противопоставления реального и ирреального. Ю. Мандельштам писал, что Ла-

динский «наделен даром преображения "реального" в иную, метафизическую реальность» [цит. по: Ладинский 2008 : 305]. С антитезой реального и ирреального связан мотив странничества. Лирический герой Ладинского находится в поиске пристанища между реальным и ирреальным миром. Так, в стихотворении «Каирский сапожник» (1930) противопоставление реального и ирреального выражается в форме романтического конфликта мечты и реальности. Сапожник живет в «горестном мире» [там же: 64]. Центром этого мира является жена сапожника. Образ супруги сопоставляется с образом темницы, суровая женщина оказывается страшнее заточения, что подчеркивается превосходной степенью, употребленной в сравнении: «ваши гневные брови выше каменных стен, и темницы суровой лба холодного плен» [там же]. Это мир оседлый и неподвижный.

Герой стихотворения мечтает о странствиях с караваном: «и когда с караваном уплывает сквозь сон» [там же]. Однако отправиться в странствия ему так и не удастся, а «перебранки и грозы» разрушают мечту. Это разрушение подчеркнуто метафорой: «и туманная роза таяла на глазах» [там же]. Образ розы, вошедший в поэтическую систему Ладинского из символизма, трактуется как знак чистоты, гармонии и высшей материи. В тексте выстраивается восходящая градация образов: «роза таяла», «звезды так умиряют», «стихи погибают». «Горестный мир» [там же] имеет губительную силу, в описании столкновения реального мира и мира мечты неоднократно встречается мотив смерти: таяла, умирают, погибают. Герой, как и птица, мечтает о высоком полете на свободе, но вместо этого вынужден томиться в плену разгневанной жены.

Несколько иначе антитеза реального и ирреального раскрывается в стихотворении «Караван» (1930). Стихотворение лишено романтического конфликта. Сначала герои находятся на земле: «Еще под пальмами земными / Мы греем руки у костра» [Ладинский 2008: 47]. Образ земли состоит из черных очагов, «земных домов», костра. Дважды употребляются образы с эпитетом земной: «земные дома» и «под пальмами земными» [там же]. Наречие с противительным союзом «а завтра» указывает на будущее противопоставление реального – земного и ирреального – небесного. «С печальной легкостью беглянки взлетишь, душа» [там же: 48]. Земное «растет в дыме», а пространство наполнит эфир. Поэтические образы Ладинского преодолевают земное тяготение. Караван направляется ввысь: в эфир, в мираж. К. Мочульский называл мир Ладинского «эфирным миром, светлым и прозрач-

ным» [Мочульский 1931: 235]. Этот новый мир неизведан: «С трудом в эфир идут верблюды, / Но, преодолевая страх, / Покачиваемся мы чудом / На голубых горбах» [Ладинский 2008: 48].

Описание ирреального мира в стихотворении А. Ладинского дополняется мотивом стужи. Оксюморон в сочетании «раскаленной стужи» и «ледяных Сахар» создает образ неизведанного мира. Множественное число имени собственного делает его нарицательным и обозначает безмерное количество зыбкого песка, который, как эфир, пронизывает все пространство вокруг путников. «Мы странствуем, мы кружим, кружим» [там же], четкий ритм помогает поддержать ощущения кружения, повторяемости, замкнутости.

Ладинский конструирует мир метаморфоз, наиболее ярко воплощенный в стихотворении «Зима» (1935). В этом стихотворении поэт создает «идеальный» мир, где существуют не вещи, а их идеи – прообразы: «идеи одуванчиков и трав, прообразы кузнечиков печальных...» [там же: 124]. В описании этого ирреального мира и появляется образ Африки, содержащий в себе оксюморон: «Сияет в Африке морозный день». Такое восприятие Африки связано в целом с мироощущением лирического героя. Холод как метафора жизненных тягот является неотъемлемой частью бытия: «Но зимний климат нам ниспослан свыше – / Никак нельзя менять удел судьбы» [там же]. Вместе с тем холод ассоциируется с жизнью духа, полной эстетических переживаний в противовес теплоту и комфортному материальному существованию: «О, стыдно мне подумать об отеле, О грелке, о фуфайке шерстяной, О панталонах теплых из фланели Под юбочкой балетной неземной» [там же]. Вышний, «холодный» мир связан с подлинным бытием духа, неуспокоенностью лирического героя-странника. Эстетическое, связанное с высокой сферой искусства, доминирует в поэтическом мире Ладинского.

Ощущение холода, колкого мороза создается и с помощью звукописи, одного из ключевых способов стиховой организации – аллитерации (особенно повторение буквы «р»). Лирический герой называет жизнь драмой: «студеной» и «прекрасной» [Ладинский 2008: 124].

В стихотворениях Ладинского реализуется также антитеза Европы и Африки как «своего» и «чужого». Поэт стоит на позиции европейца. По мнению Ф. Федорова, «авторский – это одновременно и всеевропейский взгляд» [Федоров, 2013: 135]. Однако лирический герой Ладинского не солидарен с европейским взглядом на мир и стремится убежать из чуждого пространства Ев-

ропы. В стихотворении «Мы купим белую большую яхту...» (1935) он фантазирует о путешествиях со своей возлюбленной. В кинематографической манере лирический герой описывает страны, куда бы они могли отправиться. Кинематографичность создается с помощью подчеркнута визуального построения стихотворения: короткие предложения, ряды однородных членов: «костер, палатка, каравана след» [Ладинский 2008: 139]. Лирический герой предлагает возлюбленной множество вариантов путешествий в экзотические места. Первое из них – отправиться в Африку. Африка и дом противопоставляются как светлое и темное, открытое и замкнутое пространство: «Мы купим белую большую яхту / И Африку прекрасно обогнем. / Пусть солнце хлынет в угольную шахту, / Нам надоел наш темный тесный дом» [там же].

Угольная шахта, «темный тесный дом» [там же] – это развернутая метафора. В фольклорной традиции темное замкнутое пространство понимается как гроб. Лирический герой чувствует себя заключенным в оковы земной, обыденной и неустроенной жизни. Африка воспринимается как место, контрастное дому, способное преобразить повседневность.

Но лирический герой равнодушен к холоду: «Хотите, мы на ледоколе с вами предпримем грандиозные труды» [там же]. Лирический герой предлагает совершить отчаянное путешествие на север в духе героев приключенческих фильмов. «Любовь – крушение, а сердце – льды». Описание картины северных льдов гиперболизировано: это и любовь, и смерть, и счастье, и страх. Однако лирическая героиня не разделяет страсти лирического героя к холоду. Строфа, посвященная ее предпочтениям, начинается с противительного союза «но». Она выбирает не холод, а спокойствие и изобилие Африки: «Вы любите оливы, пальмы, лето, загар, на солнцепеке виноград» [там же]. Заметим, что здесь и пролегает грань между двумя феминными образами в поэзии Ладинского: музой лирического героя и его возлюбленной, обычной земной женщиной. Если первая готова разделить все тяготы жизненного пути лирического героя, тяготеет к студенному миру, стремится покинуть землю, то вторая предпочитает комфорт и уют земного, «теплого» существования, негу жизни.

Итак, Африка на поэтической карте Ладинского является многогранным, сложноорганизованным геокультурным образом, вобравшим в себя как интуицию поэта о прошлом и будущем человечества, так и широкий спектр аллюзий на мировую культуру. В этом образе органически соединились ландшафт и культура, позволив

Африке занять уникальное место в ряду других геокультурных образов поэта.

Примечание

¹Используя понятие «геокультурный образ», мы опираемся на разработки ученых, ведущих свои исследования в рамках гуманитарной географии и геопоэтики: Д.Н. Замятина, В.В. Абашева, А.В. Фирсовой и др. (см. более подробно об этом: [Замятин 2006; Абашев 2006; Абашев, Фирсова 2010]).

Список литературы

Абашев В. В. Геопоэтический взгляд на историю литературы Урала // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург. 2006. С. 17–30.

Абашев В. В., Фирсова А. В. План местности: литература как путеводитель // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 4(10). С. 98–104.

Бунин И. Бегство в Египет // И.А. Бунин. Собр. соч.: в 4 т. М., 1988. Т. 1. С. 129–130.

Давидсон А. Б. Тропическая и южная Африка // Новая и новейшая история. 2000. №5. Цит. по: URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/BLACK.HTM> (дата обращения: 20.02.2015).

Коростелев О. А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции // Литературовед. журн. 2008. №22. С. 3–50.

Ладинский А. Собрание стихотворений / сост., предисл. и примеч. О. А. Коростелева. М.: Викимо-М: Русский путь, 2008. 368 с.

Мочульский К. Ант. Ладинский. Черное и голубое. Стихи. Изд. «Совр. Зап.» Париж, 1931 // Числа. 1931. №5. С. 235–237.

Набоков В. Ант. Ладинский. Черное и голубое // Руль. 1931. №3092. С. 2.

Осипова Н. О. «Номадический текст» русской классики в художественно-философской рефлексии поэзии эмиграции // Modernity russes. 2014. № 4. С. 165–178.

Панова Л. Египетский текст русской литературы // Звезда. 2006. №5. С. 192–207.

Полиевская А. С. Экзотический топос в творчестве Н.С. Гумилева: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. 157 с.

Раскина Е. Ю. Геоософские аспекты творчества Н. С. Гумилева: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 283 с.

Струве Г. Заметки о стихах // Россия и славянство. 1931. №41. С. 4.

Уде Ф. Э. Образ Африки в русском языковом сознании: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград,

2008. 240 с.

Уде Ф. Э. Способы отражения образа Африки в произведениях Н. С. Гумилева // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2007. №2. С. 37–40.

Федоров Ф. Антонин Ладинский: «Стихи о Европе» // Toronto Slavic Quarterly. 2013. №45. С. 130–146.

Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы / сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. 464 с.

Ivanov V. Two Images of Africa in Russian Literature of the Beginning of the Twentieth Century: «Ka» by Chlebnikov and Gumilev's African Poems // Russian Literatures. 1991. № 29. С.409–426. Цит. по: Иванов Вяч. Вс. Два образа Африки в русской литературе начала XX века: африканские стихи Гумилева и «КА» Хлебникова // Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 2000. Т. II. С. 287–326.

References

Abashev V. V. Geopoeticheskiy vzgljad na istoriju literatury Urala [Geopoetic view on the history of the Urals literature]. Literatura Urala: istorija i sovremennost' [Literature of the Urals: history and contemporaneity]. Ekaterinburg, 2006. P. 17–30.

Abashev V. V., Firsova A. V. Plan mestnosti: literatura kak putevoditel' [Site plan: literature as a guidebook]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2010. Iss. 4(10). P. 98–104.

Bunin I. Begstvo v Egipet [Flight into Egypt]. Sobranie sochinenij v chetyrekh tomakh [Collected works]. Moscow, 1988. Vol. 1. P. 129–130.

Davidson A. B. Tropicheskaja i juzhnaja Afrika [Tropical and South Africa]. Novejšaja istorija [Contemporary history]. 2000. No. 5. Available at: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/BLACK.HTM> (accessed 20.02.2015).

Fedorov F. Antonin Ladinskiy: “Stikhi o Evrope” [Antonin Ladinsky: Poems about Europe]. Toronto Slavic Quarterly. 2013. No. 45. P. 130–146.

Jakobson R. Raboty po poetike: Perevody [Works on poetics: Translations] / ed. by M. L. Gasparov. Moscow: Progress Publ., 1987. 464 p.

Korostelev O. A. “Parizhskaja nota” i protivos-

tojanie molodjozhnykh poeticheskikh shkol russkoj literaturnoj emigratsii [“Paris note” and confrontation of youth poetic schools of the Russian literary emigration]. Literaturovedcheskiy zhurnal [Literary journal]. 2008. No. 22. P. 3–50.

Ladinskiy A. Sobranie stikhotvorenij [Collection of poems]. Moscow: Vikmo-M: Russkij put' Publ., 2008. 368 p.

Mandelstam Ju. Vozrozhdenie [La Renaissance]. 1937. No. 4085. P. 9.

Mochulskij K. Ant. Ladinskiy. Chjornoe i goluboe. Stikhi [Ant. Ladinsky. Black and blue. Poems]. Chisla [Chisla]. 1931. No. 5. P. 235–237.

Nabokov V. Ant. Ladinskiy. Chjornoe i goluboe [Ant. Ladinsky. Black and blue]. Rul' [Rudder]. 1931. No. 3092. P. 2.

Osipova N. O. “Nomadicheskij tekst” russkoj klassiki v khudozhestvenno-filosofskoj refleksii poezii emigratsii [“Nomadic text” of the Russian classics in artistic and philosophical reflexion of emigration poetry]. Modernits russes. 14. 2014. P. 165–178.

Panova L. Egipetskiy tekst russkoj literatury [The Egyptian text of Russian literature]. Zvezda. 2006. No. 5. P. 192–207.

Polievskaja A. S. Ekzoticheskij topos v tvorchestve N. S. Gumileva. Dis. kand. fil. nauk [The exotic topos in N. S. Gumilev's works. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2006. 157 p.

Raskina E. Ju. Geosofskie aspekty tvorchestva N. S. Gumileva. Dis. dok. fil. nauk [The geosophical aspects in N. S. Gumilev's Oeuvre. Doc. philol. sci. diss.]. Moscow, 2009. 283 p.

Struve G. Zametki o stikhakh [Notes on poems]. Rossija i slavjanstvo [Russia and Slavdom]. 1931. No. 41. P. 4.

Ude F. E. Obraz Afriki v russkom jazykovom soznanii. Dis. kand. fil. nauk [The image of Africa in Russian linguistic consciousness. Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd, 2008. 240 p.

Ude F. E. Sposoby otrazhenija obraza Afriki v proizvedenijakh N. S. Gumileva [Methods of representation of Africa's image in N. S. Gumiliov's works]. Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Proceedings of Volgograd State Pedagogical University]. 2007. No. 2. P. 37–40.

AFRICA IN THE POETRY OF ANTONIN LADINSKY

Anna A. Arustamova

**Professor in the Department of Russian Literature
Perm State University**

Maria Ju. Rastorgueva

**Master's Student
Higher School of Economics**

The article considers the ways of constructing a geocultural image, in particular the image of Africa, in works by the poet of the Russian emigration Antonin Ladinsky. It is revealed that such poetic devices as antithesis and oxymoron are the structure-forming elements in the construction of Africa's image. Motifs of the heat and cold, intertextual ties, as well as biblical allusions are also essential. The article traces how the poetics of the cinema is incorporated into Ladinsky's texts.

Key words: literature of the Russian emigration; Ladinsky; geocultural image; Africa; Russian poetry; intertextuality; antithesis; oxymoron.